

The poster features a woman with long, wavy red hair, wearing a green dress with a white lace collar and a brown belt. She is holding a wooden tray with a large mug of beer and some food. To her right stands a knight in full plate armor with a red cape. In the background, a large blue dragon with orange eyes is visible against a dark, stormy sky with snow-capped mountains. The scene is lit with warm, golden light, suggesting a tavern or a campfire.

Лилия Тимолаева

РАЗВОД
С ГЕНЕРАЛОМ
ДРАКОНОВ

Хозяйка таверны
на краю Севера

Лилия Тимолаева

Развод с генералом драконов. Хозяйка таверны на краю Севера

<https://litres.ru/74220903>

Аннотация

В день, когда генерал драконов публично объявил наш брак ошибкой, я не стала умолять. Я потребовала развод и свою долю. Он хотел избавиться от меня красиво и подальше — и отдал забытую таверну на краю Севера. Полуразвалившуюся, в долгах, с дурной славой и слишком удобным расположением для тех, кто привык решать чужие судьбы.

Я собиралась просто выжить. Поднять дом. Разжечь печи. Научить этот холодный край пахнуть хлебом, мясом и надеждой.

Но очень скоро стало ясно: моя таверна — не просто убыточная развалина, а ключ к чужой опасной игре. Подложные бумаги. Поджог. Похищение. Тайны, уходящие к самому двору. И мужчина, который однажды уничтожил мою жизнь одним холодным решением, теперь снова стоит на моём пороге.

Только я больше не та женщина, которую можно отодвинуть в сторону. И если генерал драконов хочет войти в мой мир, ему придётся забыть, кем он был для меня раньше.

Потому что теперь это мой Север. Мой дом. И мои правила.

Содержание

Глава 1. Развод при полном дворе	5
Глава 2. Север, где выживают упрямые	36
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава 1. Развод при полном дворе

Музыка в зале оборвалась так резко, будто невидимая рука перерезала ей горло.

Ещё мгновение назад под золочёными сводами Императорского дворца плыл хрустальный вальс, дамы улыбались сквозь веера, кавалеры склонялись в учтивых поклонах, а сотни свечей в высоких люстрах отражались в полированном мраморе так ярко, что казалось — весь зал наполнен не светом, а жидким огнём. И в этот самый миг, на вершине чужой роскоши, чужого праздника, чужой жизни, Елена пришла в себя.

Сначала — запах.

Не стерильный воздух палаты. Не резкий лекарственный спирт. Не пластиковая сухость капельниц.

Нет.

Вместо этого её накрыло густым ароматом расплавленного воска, розового масла, мужского парфюма, вина и зимних цветов, привезённых явно не из этих мест. Воздух был слишком тёплым, слишком плотным, слишком живым. Потом пришёл звук — шелест юбок, шёпот, нервный смехок где-то слева, звяканье драгоценностей. И только потом — тяжесть на теле.

На ней было платье.

Не просто платье — настоящее произведение чужой же-

стокости. Тяжёлый серебристо-синий бархат обнимал талию так туго, что трудно было вдохнуть. Корсаж давил на рёбра. Рукава, расшитые ледяным бисером, оттягивали плечи. На шее лежало кольцо, холодное, как цепь.

Елена моргнула.

Перед глазами расплывались лица. Белые, смутные, как маски. Чужие глаза. Чужие рты. Чужой мир.

И мужчина напротив.

Он стоял на возвышении у трона, высокий, слишком прямой, слишком спокойный для человека, который только что разрушил чью-то жизнь. Чёрный мундир сидел на нём безупречно, серебряные застёжки поблёскивали в свете свечей, тёмные волосы были зачёсаны назад, открывая жёсткое, красивое лицо. На воротнике — знак драконьего корпуса. На груди — герб северных легионов. На пальце — перстень с чёрным камнем, от которого почему-то хотелось отвести взгляд.

И его глаза.

Холодные. Светлые. Безжалостные.

Они были устремлены прямо на неё, и Елена с необъяснимой ясностью поняла: опасность — это не мраморный зал, не тысячи свидетелей, не чужое тело, в котором она очнулась. Опасность — этот мужчина.

— Леди Аврора, — произнёс он негромко, но так, что его слышал весь зал. — Надеюсь, теперь вы понимаете, что продолжать этот фарс бессмысленно.

Аврора.

Имя ударило внутри колоколом.

Не её.

Но в то же мгновение вместе с паникой в голову хлынуло что-то ещё — обрывки, вспышки, как если бы кто-то швырнул ей в сознание чужой дневник, разорванный на сотни страниц.

Белые галереи дворца.

Подписанный брачный контракт.

Холод в первую брачную ночь.

Три года рядом с мужчиной, который исполнял долг без тепла и говорил с ней, как с ошибкой.

Шёпот придворных за спиной.

Невозможное слово — бесплодна.

Имя — Кассиан Вальдер, генерал драконьих легионов Севера.

И ещё одно имя — Лиора Эстейн.

Та самая “достойная”.

Елена с трудом вдохнула. Мир пошатнулся, но не исчез.

Она стояла в центре зала, среди сотен людей, в теле женщины, которую только что публично унизили. И, кажется, это унижение ещё не закончилось.

— Я сказал достаточно ясно, — продолжил генерал. Ни громкости, ни злости. Только сталь. — Наш союз был политической необходимостью. Он исчерпал себя. Император уже осведомлён о моём намерении подать прошение о рас-

торжении брака.

По залу пронёсся жадный шёпот.

Елена не знала, что в её собственном мире стало с её телом, почему она здесь, жива ли вообще прежняя Аврора, но одно она понимала совершенно отчётливо: если сейчас эта женщина — она, если именно в её рот, в её грудь, в её кровь влито это унижение, то молчать она не будет.

Смешок раздался справа.

Елена повернула голову.

У колонны, под пологом светло-золотых знамен, стояла молодая женщина в платье цвета шампанского. Нежная, тонкая, с безупречной осанкой и слишком невинной улыбкой. Она не смотрела прямо, но смотрела достаточно. Так смотрят, когда уже считают чужое место своим.

Лиора.

Разумеется.

Ещё один пласт памяти развернулся болезненным холодом. Аврора видела эту улыбку не раз. Видела, как придворные дамы мгновенно тянулись к новой фаворитке салонов. Видела, как Кассиан задерживал на ней взгляд на секунду дольше, чем должен был.

Не доказанная измена. Не пойманный в постели любовник. Хуже.

Публичное предпочтение.

Отстранённость.

Медленное вымораживание жены из собственной жизни.

— Боюсь, леди не вполне осознаёт, в каком положении находится, — мягко произнесла Лиора, обратившись куда-то в пространство, будто не смела вмешиваться прямо. — Подобные новости способны ранить рассудок...

Елена медленно повернулась к ней.

Сердце в груди билось слишком часто. Ладони были ледяными. Но страх, затопивший её в первую секунду, уже менялся. Переплавлялся. Становился чем-то острым.

Нет. Не паника.

Злость.

Чужая, накопленная за годы, и её собственная, слишком знакомая. Потому что унижение — оно в любых мирах унижение. И женщины, над которыми устраивают показательную расправу ради удобства мужчин, тоже одинаковы во всех мирах.

Елена подняла подбородок.

— Мой рассудок в полном порядке, — сказала она.

Голос прозвучал низко, чуть хрипло, но уверенно. И, судя по тому, как едва заметно дрогнули брови генерала, это было не то, чего он ожидал.

Аврора, похоже, обычно молчала.

Аврора, возможно, бледнела, опускала глаза, искала спасения в слезах.

Елена не собиралась быть удобной Авророй.

— Тогда не усложняйте неизбежное, — произнёс Кассиан.

Он говорил с ней так, будто уже всё решил. Будто её роль здесь — принять удар красиво и отойти в тень, освободив путь более удобной женщине.

И именно это сдвинуло внутри последний замок.

Елена медленно обвела взглядом зал.

Лица.

Сотни лиц.

Придворные, офицеры, дамы, советники, приближённые, прихлебатели, сплетники, будущие разносчики этой сцены по салонам, гостиным и спальням. Она почти слышала, как они будут пересказывать это завтра: бедняжка Аврора, какая жалость, генерал был так холоден, но, право, все и так давно понимали, к чему идёт дело...

Нет.

Не будет им бедняжки.

— Неизбежное? — переспросила она негромко.

Кассиан прищурился.

Он, кажется, впервые всерьёз вслушался в её голос.

— Вы желаете спорить? — спросил он.

— О нет, генерал, — сказала Елена и даже позволила себе слабую, почти светскую улыбку. — Напротив. Я желаю вас поддержать.

В зале воцарилась такая тишина, что слышно стало, как трещит воск в ближайшем канделябре.

Лиора дрогнула.

Не сильно. Лишь едва заметно опустились её ресницы.

Кассиан не пошевелился, но взгляд его стал внимательнее. Опаснее.

— Поддержать? — переспросил он.

— Разумеется. Раз уж вы сочли достойным объявить о нашем разводе при полном дворе, будет справедливо завершить эту сцену здесь и сейчас.

В толпе кто-то резко втянул воздух.

Елена чувствовала, как в её висках стучит кровь. Чужое тело дрожало — не от слабости, от перегрузки, от страха, от ярости. Но снаружи она держалась безупречно. Наверное, это было единственное, что Аврора умела делать всю жизнь: не падать на глазах у толпы.

Так что Елена взяла у неё это умение и сделала своим.

— Я согласна на развод, — произнесла она ясно. — Более того, я сама требую его.

Шёпот ударил по залу волной.

Теперь Кассиан всё же шевельнулся. Совсем немного. Его пальцы сжались на трости, которую он держал скорее как знак статуса, чем как опору. Чёрный камень перстня вспыхнул в свете свечей.

— Вы не понимаете последствий, — сказал он.

— Это вы, кажется, меня недооценили.

Он смотрел ей в лицо, и под этим взглядом почти хотелось опустить глаза. В нём было слишком много силы. Слишком много привычки ломать сопротивление одним присутствием. Такой мужчина наверняка не повышал голос — ему не

требовалось.

Но Елена знала и другой тип силы. Той, что поднимает женщину с пола после удара и заставляет выпрямиться, даже когда ноги подкашиваются.

— Если наш брак, по вашим словам, был политической необходимостью, — продолжила она, — значит, и его расторжение должно происходить по закону. А закон, насколько мне подсказывает память, не оставляет женщину без содержания.

Слова слетели с губ, а внутри сразу откликнулось чужое знание: кодекс северных домов, брачные обязательства, право супруги на долю имущества в случае разрыва по инициативе мужа, если не доказана её вина. Аврора знала это. Просто, вероятно, никогда не смела воспользоваться.

Теперь смела.

Седой советник у трона кашлянул в кулак.

Несколько человек отвели глаза.

Лиора побледнела на полтона.

А Кассиан стал ещё неподвижнее. Если раньше он напоминал ледяную статую, то теперь — клинок, который только что вынули из ножен.

— Вы требуете компенсацию? — спросил он.

— Я требую своё, генерал. Это разные вещи.

Он молчал.

И эта пауза почему-то оказалась тяжелее крика.

Елена поймала себя на том, что смотрит на него не как

на мужа этой женщины, а как на врага, которого надо читать быстрее, чем он читает тебя. На красивого, опасного врага. Ужасно красивого. Такого, от чьего равнодушия, вероятно, особенно больно.

Она почти физически чувствовала, как много лет Аврора жила ради редкого взгляда, случайного одобрения, короткого прикосновения. Как постепенно съезживалась рядом с этой холодной мощью, стараясь стать тише, мягче, удобнее.

И как ничего не помогло.

Жгучая жалость поднялась внутри — не к себе, к той женщине, чью жизнь ей бросили в руки.

Кассиан слегка склонил голову.

— И что же вы считаете своим?

Вопрос прозвучал ровно. Даже учтиво.

Но под этой вежливостью угадывалось предупреждение.

Елена медленно вдохнула.

Здесь можно было испугаться. Начать торговаться вслепую. Попросить покои, драгоценности, деньги, право остаться при дворе.

Но от одной мысли о дворе, о его люстрах, холодных улыбках, липком шёпоте и присутствии Лиоры ей стало тошно.

Нет. Ей нужно не место поближе к этим людям.

Ей нужно выйти из их власти.

— Половину доходов с северных земель по брачному соглашению, — сказала она, опираясь на память Авроры. — Дом, оформленный на моё имя после свадьбы. И единовре-

менное содержание на три года.

Теперь зал уже не шептался — гудел.

Советник у трона побелел так, будто увидел призрак.

Кто-то из офицеров нервно усмехнулся.

Лиора стиснула пальцы на веере.

А генерал смотрел на неё так, словно видел впервые.

— Вы многого хотите, — произнёс он.

— Я слишком долго не брала ничего.

Он сделал шаг вниз с возвышения.

Один.

Всего один.

Но этого оказалось достаточно, чтобы несколько людей рядом с ним невольно отступили. Сила вокруг него была почти осязаемой. Холодной. Тяжёлой. Драконьей.

Воздух дрогнул.

Елена не сразу поняла, что именно изменилось. Лишь почувствовала, как по коже пробежал ледяной ток, как свечи в дальних канделябрах качнулись без ветра, а в груди у неё что-то инстинктивно сжалось. Словно тело Авроры помнило этот страх лучше разума.

В нём была магия.

Конечно, была.

Это ведь мир драконов.

Кассиан спустился ещё на ступень. Теперь они были почти на одном уровне, и от этого стало только хуже. Слишком близко. Слишком ясно было видно его лицо — резкие ску-

лы, тонкий шрам у виска, прямую линию губ. Невозможно красивый мужчина. Невозможно опасный.

— Осторожнее с жадностью, Аврора, — сказал он тихо, так, что услышала только она. — Она вам не к лицу.

И вот тут Елена разозлилась по-настоящему.

Не вспыхнула — раскалилась.

Потому что знала этот тон. Не из этого мира. Из любого. Когда мужчина сначала публично стирает тебя в пыль, а потом шипит почти ласково, обвиняя в том, что ты посмела требовать плату за свою сломанную жизнь.

Она подняла на него взгляд.

— А унижение женщине, значит, к лицу?

Его зрачки чуть сузились.

— Вы выбрали место и время, генерал, — продолжила она тем же тихим голосом. — Не я. Так не жалуйтесь, что разговор вышел публичным.

На долю секунды ей показалось, что он сейчас скажет что-то резкое. Или схватит её за запястье. Или оборвёт так, что она снова почувствует себя ничтожной.

Но вместо этого он отступил.

Снова всего на шаг.

И это почему-то оказалось страшнее. Как будто он не проиграл момент — отложил ход.

— Ваши требования будут рассмотрены, — произнёс он уже громче. — В рамках закона.

— Прекрасно, — ответила Елена. — А до тех пор про-

шу считать меня свободной от супружеских обязательств. Не думаю, что нам обоим стоит поддерживать видимость союза, который вы сочли ошибкой.

В толпе кто-то охнул.

Слишком смело.

Слишком прямо.

Слишком хорошо.

Елена почти почувствовала, как по залу побежал новый вкус сплетни. Уже не только о брошенной жене, но о жене, которая не сломалась. Это тоже будут пересказывать. Уже иначе.

Кассиан улыбнулся.

И лучше бы он этого не делал.

Потому что улыбка вышла не тёплой, не примиряющей — опасной. Едва заметной. Почти мужской лаской по острому лезвию.

— Как пожелаете, — сказал он.

Лиора шагнула вперёд.

Наконец-то.

— Милорд, — произнесла она мягко, опуская ресницы, — быть может, леди стоит проводить? Она явно взволнована...

Елена повернула к ней голову медленно, как поворачивают клинок.

— Благодарю за участие, леди Эстейн, — сказала она. — Но едва ли женщина, ожидающая освобождения чужого места, имеет право говорить о моём волнении.

По залу прошла дрожь.

Лиора вспыхнула.

Ровно на мгновение маска на её лице треснула. Из-под учливой кротости выглянуло настоящее: раздражение, уязвлённое самолюбие, злость оттого, что жертва не легла красиво.

— Вы оскорбляете меня, — произнесла она.

— Разве? Тогда считайте, что мы квиты.

— Довольно, — отрезал Кассиан.

Это слово прозвучало негромко, но в нём впервые за весь вечер проступила живая сила. Не ледяной протокол. Не равнодушие. Раздражение.

И странным образом Елене стало легче.

Значит, он не всемогущ.

Значит, его тоже можно задеть.

— Более чем довольно, — согласилась она. — Полагаю, театр окончен.

Она развернулась.

И тут же поняла, насколько это тело истощено. Голова закружилась, колени стали ватными, корсет впился в рёбра так, будто хотел закончить то, что не смогла толпа. Перед глазами качнулся свет.

Только не сейчас.

Только не упасть.

Аврора, кем бы ты ни была, пожалуйста, только не сейчас.

Елена сделала шаг.

Второй.

Третий.

Дамы расступались перед ней быстрее, чем перед королевской процессией. Мужчины склоняли головы. Кто-то смотрел с жалостью, кто-то с жадным интересом, кто-то — почти с уважением.

И всё же спину жгло.

Она чувствовала взгляд генерала между лопаток так ясно, словно он касался её рукой.

Почему-то именно это не давало рухнуть.

Не дождётся.

У самого выхода дорогу ей преградил седой церемониймейстер.

— Леди Вальдер... — начал он, низко кланяясь.

Елена остановилась и посмотрела на него так, что старик запнулся.

— Пока ещё, — сказала она.

Он нервно сглотнул.

— Его императорское величество желает, чтобы вопрос вашего содержания был передан в канцелярию уже утром.

Вот как.

Император желает.

Император, вероятно, тоже наблюдал этот спектакль. Может, лично. Может, через шторы ложи. Может, ему даже было любопытно, насколько тихо проглотит унижение северная генеральша.

Не проглотила.

— Превосходно, — сказала Елена. — Значит, я явлюсь в канцелярию.

— Боюсь, ваше присутствие не обязательно. Решение будет вынесено на основании брачного контракта и воли лорда-генерала.

— Вот как, — повторила она.

Церемониймейстер ещё ниже опустил голову.

Прекрасно. Значит, её попытаются красиво вынести за скобки ещё раз.

Елена улыбнулась.

— Тогда передайте в канцелярию, что если решение будет вынесено без моего участия, я найду способ обсудить его при том же полном дворе. Думаю, сегодняшний вечер показал, как сильно мне по душе публичность.

Старик побледнел.

— Леди...

— Доброй ночи.

Она прошла мимо, не дав ему договорить.

Тяжёлые двери распахнулись, и холод коридора ударил в лицо с таким облегчением, будто дворец наконец выплюнул её из своей золотой глотки.

За дверями было тише.

Не совсем тихо — дворец никогда не бывает тихим, — но после гула бального зала эта полутьма, мерцание настенных светильников и дальние шаги казались почти спасением.

Елена остановилась у колонны и наконец позволила себе вдохнуть глубже.

Бесполезно.

Воздуха всё равно не хватало.

Руки дрожали.

Сердце колотилось так, словно хотело проломить грудную клетку.

Она медленно провела ладонью по лицу и вдруг почувствовала влагу. Не поняла сразу — пот, слёзы? Оказалось, слёзы.

Чужие.

И свои.

— Тихо, — прошептала она непонятно кому. — Тихо. Всё. Всё уже случилось.

Слова прозвучали дико.

Что именно случилось?

Она умерла?

Попала в кому?

Сошла с ума?

Или действительно очнулась в теле брошенной жены генерала драконов на пике придворного скандала?

Смех вырвался короткий, нервный, почти истеричный.

Да уж. Если это галлюцинация, то очень дорогая.

Она закрыла глаза.

И память снова качнулась навстречу — глубже, болезненнее. Теперь не обрывками. Волнами.

Аврора была дочерью обедневшего, но древнего рода. Её выдали замуж за генерала в восемнадцать. Ради выгодного союза, ради поддержки семьи, ради политического укрепления Севера при дворе. Она вошла в этот брак с надеждой. Слишком юной, слишком искренней, слишком воспитанной, чтобы понять: её выбрали не как женщину, а как печать на документе.

Кассиан никогда не был с ней жесток в прямом смысле.

Он не бил.

Не кричал.

Не унижал наедине.

Это было бы даже легче.

Нет. Он был безупречно холоден. Безукоризненно вежлив. Отстранён до ломоты в костях. И этим довёл её до той пустоты, в которой женщина сама начинает верить, что недостойна любви.

Елена резко открыла глаза.

Вот, значит, как.

Вот отчего тело помнило каждый его взгляд как удар.

— Миледи?

Голос раздался справа, и Елена вздрогнула.

Из тени выступила молодая девушка в сером придворном платье. Служанка. Тёмные волосы, испуганные глаза, веснушки на бледном лице.

Память подсказала имя почти сразу.

Марта.

Одна из немногих, кто был предан Авроре не из страха и не из выгоды.

— Миледи, — повторила девушка уже тише, подбегая ближе. — Я искала вас. Боги... Я всё видела. Вы... вы как? Как?

Елена посмотрела на неё и чуть не рассмеялась снова.

Как женщина, которая полчасика назад, возможно, жила в другом мире, а теперь должна разбираться с разводом, драконом и придворными стервятниками.

— На удивление жива, — ответила она.

Марта моргнула. Потом неожиданно всхлипнула.

— Я так боялась, что вы... что вы опять промолчите.

Елена посмотрела на неё внимательнее.

— Опять?

Служанка смутилась, прикусила губу.

— Простите. Я не должна...

— Должна.

Марта опустила глаза.

— Они давно это делали, миледи. Не так открыто, но... делали. Сначала шептались. Потом леди Эстейн стала приходить всё чаще. Потом вас перестали приглашать туда, где был лорд-генерал. Потом слуги начали слушать её распоряжения раньше ваших. А вы всё молчали. Я думала... — она судорожно вдохнула, — думала, сегодня вы просто сломаетесь.

Елена почувствовала, как внутри снова поднимается жар.

Не сломается.

Уже нет.

— Ошиблась не только ты, — сказала она.

Марта подняла на неё глаза. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на изумление.

Наверное, Аврора и впрямь говорила иначе.

Елена выпрямилась.

Тело всё ещё было слабым, но стоять стало проще. Словно с каждым словом, с каждым решением она вращалась в эту реальность прочнее.

— Мне нужны мои комнаты, — сказала она. — И горячая вода. И всё, что связано с брачным контрактом. Копия, письма, распоряжения, счета. Всё.

Марта часто заморгала.

— Сейчас? Ночью?

— Особенно ночью. Утром эти бумаги могут внезапно исчезнуть.

Служанка побледнела.

— Думаете, они...

— Я больше не думаю о них хорошо.

— Да, миледи.

— И ещё, — добавила Елена, уже идя по коридору. — Мне нужен кто-то из юристов рода Вальдер, кто ещё не куплен леди Эстейн.

— Это... это будет трудно.

— Значит, найди не купленного, а обиженного. Такие

обычно полезнее.

Марта уставилась на неё почти с восхищением.

— Да, миледи.

Они шли быстро, и с каждым шагом дворец раскрывал перед Еленой свою ночную изнанку. Светлые галереи, пустые ниши, окна в чёрную зимнюю темноту, скользящие по стенам тени. Слуги кланялись. Стража отступала. Кто-то уже знал. Наверняка все уже знали.

Развод при полном дворе.

Какая изысканная казнь.

Но чем дальше она уходила от зала, тем отчётливее ощущала: странное дело, казнённой она себя не чувствует. Скорее освобождённой. Пусть и через боль.

У дверей её покоев ждали двое лакеев и старшая горничная.

Та самая, что прежде всегда смотрела на Аврору с сочувственной снисходительностью, как на безнадёжно проигравшую партию. Теперь в её взгляде появилось нечто новое — осторожность.

Отлично.

Пусть боятся недооценить ещё раз.

— Вон, — сказала Елена, едва войдя.

Горничная вздрогнула.

— Миледи?

— Все вон. Останется только Марта.

— Но...

Елена повернула голову.

И, должно быть, что-то в её лице изменилось окончательно, потому что возражения увяли, не успев родиться.

Через минуту они с Мартой остались одни.

Покои были роскошными и бездушными. Слишком большими для одной женщины, которую здесь давно не считали хозяйкой. Бледно-синие стены, серебряная отделка, камин, ширма, диваны у окна, туалетный столик, на котором драгоценностей было больше, чем тепла во всей этой комнате.

Елена медленно подошла к зеркалу.

И застыла.

Из отражения на неё смотрела молодая женщина лет двадцати пяти. Очень красивая. Не кукольной красотой, нет — тонкое лицо, светлая кожа, густые пепельные волосы, огромные серо-голубые глаза, сейчас потемневшие от потрясения. Рот слишком мягкий для этой сцены. Плечи слишком хрупкие.

Аврора.

Елена коснулась пальцами щеки.

Зеркальная женщина повторила движение.

— Ну здравствуй, — прошептала она.

По позвоночнику пробежал холод.

Ни ответа. Ни мистического озарения. Только она и чужое лицо.

— Миледи... — осторожно позвала Марта. — Воды велеть подать?

— Велеть. И ножницы.

— Ножницы?

Елена медленно сняла с шеи тяжёлое кольцо и положила на столик.

Потом серьги.

Потом один за другим браслеты.

Золото, сапфиры, бриллианты. Символы статуса. Повод для чужой зависти. Металлические оковы на женщине, которой не принадлежало даже собственное достоинство.

— Да, ножницы, — сказала она. — И что-нибудь поесть.

Марта совсем растерялась.

— Вы... хотите ужинать?

Елена посмотрела на неё через зеркало.

— Я намерена пережить этот вечер. Для этого людям иногда приходится есть.

Марта вдруг фыркнула, прикрыв рот ладонью, будто сама испугалась собственного смеха.

Вот и хорошо.

Пусть здесь начнут смеяться не над ней, а рядом с ней.

Когда служанка выскользнула за дверь, Елена осталась одна. Она медленно сняла перчатки, потом провела пальцами по корсажу, расстёгивая неудобные крючки. Бархатный плен ослаб. Стало легче дышать.

На туалетном столике лежал веер из серебряного кружева. Под ним — несколько сложенных писем. Рядом — высохшая веточка зимней сирени.

Елена взяла верхнее письмо.

Почерк был строгим, мужским.

“Леди Аврора, в связи с вашим неосмотрительным появлением на совете прошу впредь не нарушать порядок, установленный в доме...”

Она не дочитала.

Скомкала бумагу.

Второе письмо оказалось от какой-то кузины: сочувствие, намёки, советы быть терпеливее, ведь мужчинам высокого положения свойственны увлечения.

Третье — счёт от модистки.

Четвёртое — приглашение на приём, на который Аврору, как подсказала память, в итоге не позвали.

Елена положила всё обратно и вдруг отчётливо поняла: если она останется здесь, её съедят. Не сегодня — так через неделю. Не через Лиору — так через канцелярию. Её красиво лишат денег, влияния, имени, а затем вытолкнут в тихую пустоту под видом благородного урегулирования.

Нет.

Ей нужны ресурсы. Закон. Бумаги. И как можно больше шума, если её попытаются обокрасть.

Марта вернулась быстро, с подносом, кувшином горячей воды и ворохом документов в кожаной папке.

— Это всё, что я успела взять из вашего кабинета, миледи. Остальное заперто.

— Уже? — тихо спросила Елена.

Марта кивнула, сжимая губы.

— После бала туда пришёл человек из канцелярии лорда-генерала.

Конечно.

Елена взяла папку и села к столу.

Документы пахли пылью, сургучом и старой бумагой. Контракт нашёлся почти сразу — плотный лист с гербами двух родов, несколькими приложениями и длинной колонкой имущественных обязательств.

Елена читала быстро. Чужая память помогала ориентироваться в формулировках.

Так.

Дом в столице — формально подарен супруге, но находится на содержании мужа.

Украшения — часть личного приданого, часть подарков дома Вальдер.

Содержание в случае развода — зависит от обстоятельств и решения императорской канцелярии.

Доходы с северных земель...

Она замерла.

Марта тревожно подняла голову.

— Что там?

Елена медленно перечитала пункт ещё раз.

Потом ещё.

И почувствовала, как по губам ползёт очень нехорошая улыбка.

— Вот же ты хладнокровная сволочь, генерал, — пробормотала она.

— Миледи?

— Он не даст мне ни дом, ни хорошие деньги, ни долю в доходах. Всё сформулировано так, что может обойтись символической компенсацией.

— Но тогда...

— Тогда остаётся приложение.

Она перелистнула контракт до последнего листа.

Приложение было составлено сухо, будто речь шла не о судьбе женщины, а о старой мебели.

В случае расторжения брака по инициативе супруга, при отсутствии доказанной вины супруги, лорд Вальдер обязан передать ей во владение один из объектов, принадлежащих дому, не являющийся стратегическим, военным или наследственным.

Объект выбирается по усмотрению лорда Вальдера.

Елена откинулась на спинку кресла.

Вот оно.

Ловушка.

Снаружи — законная щедрость. Внутри — идеальный способ избавиться от неё дёшево и красиво. Передать ненужное, убыточное, заброшенное место и назвать это соблюдением обязательств.

— Он выберет что-то дрянное, — тихо сказала Марта, уловив смысл. — Простите.

— Правильно уловила.

Елена постучала пальцем по бумаге.

— Вопрос в том, насколько дрянное.

Ответ пришёл быстрее, чем она ожидала.

В дверь постучали.

Не робко. Не торжественно.

Официально.

Марта вздрогнула.

Елена подняла голову.

— Войдите.

На пороге появился мужчина лет сорока в тёмно-вишнёвом камзоле канцелярии. В руках — тубус с лентой и печатью дома Вальдер.

Как быстро.

Очень быстро.

— Леди Аврора Вальдер, — произнёс он, кланяясь. — По распоряжению лорда-генерала мне велено передать вам временное уведомление о предстоящем расторжении брачного союза и о назначении имущественного содержания согласно приложению к контракту.

— Уже назначении? Какая расторопность.

Канцелярист никак не отреагировал.

Профессиональная безликость. Самая удобная маска для тех, кто приносит чужие приговоры.

— Зачитать? — спросил он.

— Непременно. Я хочу насладиться.

Марта испуганно опустила голову.

Мужчина развернул свиток.

— В связи с предстоящим прекращением брачного союза между лордом Кассианом Вальдером и леди Авророй Вальдер, а также в соответствии с приложением третьим к брачному контракту, леди Авроре Вальдер передаётся в полное владение объект дома Вальдер, не являющийся стратегическим, военным или наследственным...

Он сделал короткую паузу.

Елена уже знала, что сейчас услышит нечто отвратительное.

Но всё равно не была готова.

— А именно: постоялый двор “Северный венец”, с прилегающим земельным участком, расположенный в северной провинции Эйрхольм, на окраине города Хельмгард, у Туманного тракта, на границе имперских земель.

Тишина.

Потом Марта ахнула.

Елена медленно моргнула.

Постоялый двор?

Нет. Не просто постоялый двор. По памяти Авроры всплыло другое слово.

Таверна.

Старая, полузабытая, стоящая почти у края мира. Далеко на Севере. Там, где длинная зима, серое небо, ледяной ветер, гарнизоны, купцы, охотники, наёмники и люди, которым не

до столичных улыбок.

— “Северный венец”? — переспросила она.

Канцелярист кивнул.

— Объект давно не приносит стабильного дохода и требует... некоторого хозяйственного участия.

Марта вспыхнула.

— Некоторого? Да она же почти разорена! Там крыша течёт, кухня развалена, а хозяева менялись трижды за последние годы! Это ссылка!

Канцелярист невозмутимо свернул свиток.

— Формально — законное имущественное содержание.

Елена смотрела на печать дома Вальдер и вдруг почувствовала не только злость.

Ещё и странный, почти опасный холодок интереса.

Таверна на краю империи.

Не столичная клетка. Не унижительная подачка в виде комнаты у родственников. Не содержание под присмотром двора.

Своя земля.

Своя крыша.

Своя дверь, которую можно закрыть изнутри.

Пусть развалина.

Пусть на Севере.

Пусть он хотел избавиться от неё подальше.

Но это был не конец.

Это было направление.

Канцелярист кашлянул.

— Леди желает подписать получение уведомления?

Елена подняла на него взгляд.

— Передайте лорду-генералу, — сказала она медленно,

— что его дар принят.

Марта поражённо повернулась к ней.

Канцелярист, кажется, тоже не ожидал такой реакции.

— Принят? — переспросил он.

Елена встала.

Свиток в его руках чуть дрогнул, когда она подошла ближе.

— Да. И ещё передайте, что я благодарю его за щедрость.

Слова были сладкими, как яд.

— Разумеется, миледи.

Она взяла перо и поставила подпись.

Аврора Вальдер.

Красивый, уверенный росчерк.

Чужое имя. Новая судьба.

Канцелярист забрал документ и поклонился.

— Отъезд может быть организован в течение трёх дней.

— Нет, — сказала Елена.

Он поднял глаза.

— Простите?

— Я уезжаю завтра.

После его ухода Марта ещё долго молчала, будто не веря, что это происходит наяву.

Потом выдохнула:

— Миледи... вы ведь не серьёзно?

Елена подошла к окну и раздвинула тяжёлые шторы.

За стеклом лежала зимняя ночь. Дворцовые огни, чёрное небо, тонкий снег, медленно кружащий над внутренним двором. Где-то там, под этим небом, ещё находился бальный зал. Лиора. Придворные. И генерал драконов, который решил, что вычеркнул жену из своей жизни точным, холодным движением.

Она прислонилась ладонью к стеклу.

Оно было ледяным.

Почти как его взгляд.

— Более чем серьёзно, — тихо ответила она. — Завтра я покину дворец.

— Но там Север. Глушь. Холод. Почти граница. Там никого нет.

— Прекрасно. Значит, никто не будет указывать, как мне дышать.

Марта подошла ближе.

— А если это ловушка?

Елена улыбнулась, не отрывая глаз от темноты за окном.

— Марта, милая, — сказала она. — Вся моя жизнь здесь и была ловушкой. А там, возможно, хотя бы есть дверь наружу.

Она повернулась от окна.

Где-то внутри ещё болело — резко, живо, так, словно остатки Авроры не до конца ушли, словно эта женщина всё

ещё смотрела на неё из глубины сознания и не верила, что можно просто взять и уйти.

Можно.

Теперь можно.

Елена медленно сняла с безымянного пальца тяжёлое обручальное кольцо.

Металл оказался неожиданно тёплым.

Она посмотрела на него секунду, другую, потом положила на стол рядом с брачным контрактом.

Не швырнула. Не устроила истерику. Просто сняла.

Так вещи и теряют власть.

— Собирай вещи, — сказала она.

— Все?

Елена окинула взглядом роскошные комнаты, драгоценности, шёлка, зеркала, серебро. Всё это великолепие, в котором не было ни капли тепла.

Потом посмотрела на папку с бумагами.

На кольцо.

На подпись под уведомлением.

— Только то, что действительно моё, — ответила она.

И в этот момент где-то далеко, за дворцовыми стенами, словно откликнувшись на её слова, низко и глухо проревел дракон.

Глава 2. Север, где выживают упрямые

Драконий рёв ещё дрожал в оконном стекле, когда Елена поняла: назад дороги нет.

Это осознание не пришло красиво. Не легло в сердце светлой решимостью, не развернулось вдохновляющей музыкой, как в тех историях, где женщина, наконец, выбирает себя и мир тут же становится проще. Нет. Оно пришло усталостью, ознобом под кожей и мерзким знанием, что к утру половина дворца будет обсуждать её отъезд как забавную подробность чужого позора.

Пусть.

Пусть обсуждают.

Лишь бы не смогли остановить.

Собирались молча. Марта, всё ещё бледная, но уже собранная, доставала из шкафов тёплые платья, бельё, чулки, плащи, перчатки, складывала в сундук документы, резную шкатулку с драгоценностями, которые по праву принадлежали Авроре, и серебряную расчёску с гербом её рода. Елена отбирала вещи без жалости. Всё чужое, всё дворцовое, всё подаренное “для приличия” — оставляла.

Она не хотела увозить с собой ни одной лишней цепи.

К рассвету покои приобрели странный вид: будто их хо-

зьяйка уже умерла, а после неё остались только следы красивой, несчастливой жизни. Пустые полки. Полуоткрытые ящики. Несколько платьев на ширме. Кольцо на столе рядом с брачным контрактом.

Елена долго смотрела на него перед уходом.

Потом всё же не взяла.

Если Кассиан захочет сохранить память о том, как легко он избавился от жены, пусть смотрит на этот круг золота сам.

Уезжали они в сером рассвете, когда дворец казался особенно бездушным — слишком чистым, слишком тихим, слишком равнодушным к тому, кто остаётся, а кто уходит. Ни прощаний. Ни пышной церемонии изгнанницы. Только повозка с гербом дома Вальдер, два угрюмых возницы, сундук, дорожный кофр и Марта, которая каждые несколько минут бросала на Елену такой взгляд, будто всё ещё ждала, что та передумает.

Не передумала.

Снег на дворовых плитах хрустел под сапогами. Воздух был острый, ранний, злой. Именно такой, как нужно, чтобы не раскиснуть.

Елена уже ставила ногу на подножку кареты, когда за спиной послышались шаги.

Спокойные. Точные. Мужские.

Она замерла.

Не надо было оборачиваться, чтобы понять, кто это. Тело Авроры узнало его раньше разума — напряжением вдоль

позвоночника, тонкой болью под рёбрами, ледяной настороженностью. Словно даже спина помнила, каково это — чувствовать его взгляд.

Елена обернулась медленно.

Кассиан стоял в нескольких шагах от кареты, в тёмном дорожном плаще поверх мундира. Без сопровождения. Без свидетелей. Только он, зимнее утро и холодное лицо человека, который привык приходить в самый неудобный момент.

Свет рассвета делал его черты ещё жёстче. На виске серебрился тонкий шрам. На чёрной ткани воротника лежали редкие снежинки и не таяли, будто и холод признавал его своим.

Марта судорожно поклонилась и тут же отступила, сделавшись почти незаметной.

Елена не двинулась.

— Генерал, — сказала она.

— Леди Аврора.

Снова это имя. Уже не её, но теперь и не совсем чужое.

— Надо полагать, вы пришли пожелать мне приятной дороги?

— Я пришёл убедиться, что вы понимаете, куда едете.

Елена сжала пальцы на краю дверцы.

— В собственное владение. По вашей милости.

Его взгляд скользнул по сундукам, по Марте, по повозке.

— По закону.

— Как удобно. Закон у вас удивительно избирательно сов-

падает с желаниями.

На миг ей показалось, что уголок его губ дрогнул. Не улыбка — тень чего-то слишком короткого, чтобы назвать это чувством.

— Вам не нравится ваш выбор?

— Выбор был ваш.

— Вы его приняли.

Елена шагнула с подножки обратно на снег.

Сама не поняла зачем. Наверное, потому что разговаривать с ним сверху вниз не получалось, а снизу — не хотелось. И она встала напротив, так близко, что холод от него ощущался почти так же явственно, как от зимнего воздуха.

— Я приняла не подачку, генерал. Я приняла расстояние между вами и мной. Поверьте, в этом есть ценность.

Его глаза потемнели. Совсем чуть-чуть. Любой другой не заметил бы. Но Елена уже училась читать этого мужчину по малому.

— Север — не салонный каприз, — произнёс он. — Там нет удобств двора. Нет защиты двора. Нет людей, которые будут закрывать глаза на слабость.

— Как удачно. Значит, я быстро узнаю, кто я без них.

— И быстро замёрзнете.

— Вы пришли меня напугать или остановить?

— Ни то ни другое.

Ложь.

Не откровенная. Не грубая. Но ложь. Он не пришёл бы на

рассвете провожать ненужную женщину просто ради вежливости. Елена чувствовала это кожей.

— Тогда зачем? — спросила она.

Пауза растянулась на несколько дыханий. Снег падал между ними так тихо, будто всё вокруг подслушивало.

— Таверна стоит у Туманного тракта, — сказал он наконец. — Через него идут обозы, охотники, солдаты, всякая дрянь и люди, которые ею кормятся. Если кто-то предложит вам продать имущество, не соглашайтесь сразу.

Елена моргнула.

Это было не то, чего она ожидала.

— Какая неожиданная забота.

— Это не забота.

— Разумеется.

Он смотрел на неё прямо, и в этом взгляде не было ни тепла, ни мягкости. Но что-то было. Что-то, что мешало Елене отмахнуться и назвать всё это очередной игрой.

— На Севере слишком многие считают всё бесхозное своим, — произнёс Кассиан. — А вас уже наверняка считают женщиной, которую легко дожать.

— Ошибутся.

— Возможно.

Это “возможно” полоснуло по нервам сильнее, чем открытая насмешка.

Елена подняла подбородок.

— Вы, кажется, тоже так считали.

— Я считал, что вы предпочтёте остаться при дворе под присмотром родни.

— Чтобы Лиоре было удобнее занять мои комнаты?

Он не изменился в лице, но воздух вокруг словно стал плотнее.

— Не впутывайте сюда то, чего не понимаете.

— Удивительно. Обычно именно так мужчины и делают — сначала дают женщине повод для унижения, потом объясняют, что она всё придумала.

Марта едва слышно ахнула.

Кассиан молчал так долго, что Елена уже собралась отвернуться. И тогда он сказал:

— Вы стали опасно смелой.

— А вы — поздно наблюдательным.

На этот раз в его взгляде действительно мелькнуло что-то живое. Острый, почти злой интерес. Тот самый, от которого у женщины может подогнуться дыхание, если она не вовремя забудет, сколько боли несёт за собой этот мужчина.

Елена не забыла.

Он вынул из кармана плаща сложенный лист и протянул ей.

— Что это?

— Разрешение на проезд через северные заставы без лишних вопросов. С моей печатью. Вам пригодится.

Она не спешила брать.

— Вы щедры с самого утра.

— Я практичен.

— А я недоверчива.

— Это, пожалуй, впервые сыграет вам на пользу.

Елена всё же взяла бумагу. Плотный пергамент, сургуч, чёрная печать с драконом. Настоящее. Полезное. И, как бы ей ни хотелось видеть в этом только очередную манипуляцию, отказываться было бы глупо.

— Благодарю, — сказала она сухо.

— Не стоит. И ещё одно.

— Да?

Он сделал шаг ближе.

Совсем небольшой. Но расстояние между ними сократилось настолько, что у Елены перехватило дыхание — не от страха, от слишком явственного ощущения его присутствия. Высокий, холодный, собранный, пахнувший морозом, кожей и чем-то тёмным, почти дымным. Слишком мужской. Слишком опасный. Слишком красивый, чтобы такие лица вообще разрешалось выдавать людям, способным так безжалостно обращаться с чужим сердцем.

— Не позволяйте никому брать на себя ваши долги, — сказал он тихо. — На Севере любой “спаситель” сначала протягивает руку, а потом надевает на шею поводок.

Елена замерла.

Долги?

Значит, у таверны действительно есть долги. Большие. Такие, о которых он знает. Такие, о которых предупредил —

но не отменил их.

Очень в его духе.

— Вы забыли добавить “бывшая жена”, — сказала она. — Поводок мне уже примеряли. Больше не подойдёт.

На этот раз его лицо стало по-настоящему непроницаемым.

— Вам пора ехать, — произнёс он.

— Наконец-то мы в чём-то согласны.

Она села в карету, не оборачиваясь. Лишь когда колёса тронулись, позволила себе посмотреть в окно.

Кассиан не ушёл. Он стоял на снегу, высокий и тёмный на фоне бледного двора, и смотрел вслед так неподвижно, словно расставался не с женщиной, а с ошибкой, которую уже поздно исправлять.

Елена отвернулась первой.

Дорога на Север заняла шесть дней.

Шесть дней холода, тряски, серого неба, редких постоянных дворов и бесконечных мыслей, от которых не получалось спрятаться даже под двумя шерстяными одеялами. Мир за окнами менялся медленно, но неумолимо. Дворцовые предместья остались позади. Потом исчезли ухоженные деревни, широкие трактовые дороги, мягкие зимние пейзажи. Чем дальше они забирались к северу, тем суровее становилась земля.

Снег здесь не лежал — властвовал.

Леса темнели почти чёрными стенами. Редкие скалы под-

нимались из-под настов, как кости древних великанов. Ветер был не просто холодным — он казался живым существом, враждебным, голодным, ищущим щели в одежде и человеческой решимости.

На третий день у них сломалась ось. На четвёртый дороге едва не перемело, и пришлось ждать у заставы до утра. На пятый Марта простудилась и половину дня кашляла, стыдясь собственной слабости. На шестой Елена поняла, что её пальцы, спина, волосы, лицо — всё пропахло дорогой, дымом и усталостью, и это почему-то не вызывало отвращения.

Скорее облегчение.

С каждым пройденным поприщем от дворца что-то осыпалось. Чужие взгляды. Столичная шелуха. Навязанный образ тихой жены, существующей ровно до той минуты, пока мужчина не решит, что она больше не нужна.

Память Авроры за эти дни тоже раскрывалась глубже. Не резко, не целиком — словно оттаивала. Елена вспоминала названия северных провинций, основные дороги, порядок хозяйственных книг, несколько родовитых фамилий, примерную цену муки, соли, свечей. Помнила, что Хельмгард — не город в столичном понимании, а суровый приграничный узел, где люди ценят не происхождение, а то, сколько ты можешь выдержать.

Это ей нравилось.

К вечеру шестого дня возница, до сих пор молчавший больше, чем говорил, хрипло бросил через плечо:

— Скоро.

Елена отодвинула тяжёлую шторку.

Сначала она увидела только серую мглу. Потом — редкие огни. Потом — чёрные крыши, прижатые к земле так низко, будто и они боялись ветра. Хельмгард возникал из метели медленно, неласково. Никакой величественной северной романтики, которой любят прельщать тех, кто никогда не жил в холоде. Никаких сияющих башен на фоне снежных гор.

Грязный снег на улицах. Дым из кривых труб. Тяжёлые ворота. Коренастые дома из тёмного камня и дерева. Люди в толстых плащах, идущие быстро, не тратя сил на праздное оглядывание. Псы под телегами. Ветер, который выворачивал шторы из рук.

И всё же в этом было что-то такое, от чего сердце Елены стукнуло сильнее.

Здесь никто не видел её при полном дворе.

Здесь она была не позором, а неизвестной.

А неизвестность — уже почти свобода.

— Боги, — выдохнула Марта, выглядывая из-за её плеча.

— И здесь нам жить?

— Пока не выживут, — сказала Елена.

— Кто?

— Или мы, или место.

Марта слабо улыбнулась, хотя глаза у неё были круглые от ужаса.

Они свернули с главной улицы, миновали низкий камен-

ный мост, проехали мимо длинного склада с выцветшей вывеской, мимо кузницы, откуда вырывались красные искры, и углубились в сторону, где домов становилось меньше, а ветра — больше.

Туманная дорога оправдывала название. Откуда-то с низины тянуло промозглой сыростью. Вечерняя мгла съедала контуры. Лошади фыркали и мотали головами.

А потом повозка остановилась.

Елена не сразу поняла, что смотрит именно на свою таверну.

Слишком уж жалкое это было зрелище для гордого названия “Северный венец”.

Двухэтажное здание, когда-то, вероятно, добротное, теперь казалось уставшим от собственной жизни. Крыша в нескольких местах просела под снегом. Вывеска, покосившаяся, держалась на одной цепи и скрипела на ветру. Одно из окон первого этажа было заколочено досками, другое мутнело грязным стеклом. Стена с северной стороны потемнела от сырости. Двор зарос ледяной коркой. Конюшня сбоку выглядела так, словно одна решительная метель способна уложить её навсегда.

Возле крыльца валялась пустая бочка.

Фонарь над дверью не горел.

— Это?.. — тихо спросила Марта.

— Да, — ответила Елена.

И в горле у неё стало сухо.

На мгновение захотелось рассмеяться. По-настоящему. До слёз. До истерики. Вот оно, наследство генеральши. Вот она, “щедрость”. Развалившийся постоянный двор у чёрта на рогах, от которого даже ветер, кажется, отворачивался с брезгливостью.

Потом она увидела, что дверь всё-таки не мертва — из щели пробивался свет.

Значит, внутри кто-то есть.

— Ну что ж, — сказала Елена. — По крайней мере, нас не встречают призраки.

— Пока, — пробормотала Марта.

Елена выбралась из повозки первой.

Снег под сапогами был жёсткий, с ледяной коркой сверху. Ветер сразу полез под плащ, в волосы, в рукава. Север приветствовал без лишней нежности.

Она поднялась на крыльцо и толкнула дверь.

Та открылась с таким скрипом, будто возмущалась самому факту её существования.

Тёплый воздух ударил в лицо — не уютный, нет, а тяжёлый, застоявшийся, пропитанный старым жиром, дымом, кислым пивом и сырой древесиной. Внутри было полутемно. Несколько столов, часть пустых, часть криво сдвинутых к стене. Печка гудела, но плохо. На полу местами чернели мокрые следы. У дальней стойки сидел широкоплечий мужчина в шапке из серого меха,пил из кружки и смотрел на вошедших без тени удивления.

За стойкой стояла женщина лет пятидесяти с лицом, будто вырубленным из дуба. Тяжёлые руки, белый передник, седина, собранная в тугой узел, взгляд такой, что им можно было ошипать курицу на расстоянии.

У окна, на низкой скамье, примостился мальчишка лет двенадцати. Щуплый, тёмноглазый, молчаливый. Он чистил картошку так сосредоточенно, словно от этого зависела судьба империи.

Никто не бросился навстречу. Никто не поклонился. Никто не ахнул при виде хозяйки.

Елена вдруг поняла, что это ей нравится.

— Добрый вечер, — сказала она.

Женщина за стойкой окинула её взглядом с головы до сапог, задержалась на хорошем плаще, на слишком прямой осанке, на руках, которые ещё не знали тяжёлой местной работы, и только потом произнесла:

— Это как посмотреть.

Голос у неё был такой же, как лицо. Жёсткий. Несентиментальный.

— Мы прибыли в “Северный венец”, — ровно сказала Елена. — Я его новая хозяйка.

Мужчина у стойки хмыкнул.

Мальчишка поднял глаза, быстро, цепко, и снова опустил их на нож.

Женщина же не дрогнула.

— А я императорская фея, — сказала она.

Елена сняла перчатку, достала из кармана сложенное уведомление с печатью Вальдеров и положила на стойку.

Женщина медленно вытерла руки о передник, взяла бумагу, развернула. Прочла. Ещё раз. Потом подняла голову.

В её взгляде недоверия меньше не стало, но появилось кое-что другое. Неприятное уважение к факту, который не устраивает, но существует.

— Вот, значит, как, — протянула она. — Всё-таки сбагрили.

— Простите? — тихо ахнула Марта.

— Что слышала, милая, — сухо ответила женщина. — Эту дыру и врагу бы не подарили, а тут, гляди-ка, миледи подогнали.

Мужчина за стойкой фыркнул в кружку.

Елена прислонилась ладонью к столешнице.

— А теперь давайте начнём заново, — сказала она. — Я действительно новая хозяйка. Мне действительно принадлежит это заведение. И мне действительно сейчас не до любезностей. Так что либо вы представляетесь, либо я начинаю сама гадать, кто из вас собирается работать, а кто мешать.

В трактире стало тише.

Женщина медленно сложила бумагу.

— Грета, — сказала она. — Кухня, печи, всё, что съедобно и почти съедобно.

Мужчина, не вставая, приподнял кружку.

— Бран. Вожу припасы, если за них платят, и ругаюсь,

когда не платят.

Мальчишка молчал.

Грета бросила на него взгляд.

— Тиль. На побегушках. Если не сбежит раньше.

Мальчишка дёрнул плечом, не поднимая головы.

— Очень хорошо, — кивнула Елена. — Тогда я — Аврора.

Молчание после имени получилось особенно неловким.

Потому что здесь, в этом полумраке, среди кривых столов и запаха дыма, “леди Аврора Вальдер” звучало не гордо, а почти смешно.

Елена сама это поняла.

И неожиданно для себя добавила:

— Но можете называть меня хозяйкой. Так всем будет проще.

Бран криво усмехнулся.

— До первой недели.

— Бран, — мягко сказала Елена, — вы ведь даже не пытались сделать вид, что рады меня видеть.

— А должен?

— Нет. Но грубость без пользы — просто плохая привычка.

Мужчина хохотнул. Уже с интересом.

Грета же по-прежнему изучала её так, словно решала, из чего сделана эта столичная женщина и сколько часов пройдёт до первого обморока.

— Комнаты наверху не все пригодны, — сказала она. — В двух окнах щели. В третьей потолок течёт. В вашей... — она чуть замялась, — в бывшей хозяйской комнате, если сильно повезёт, не дует с восточной стены.

— Прекрасно. Значит, мне повезёт.

— А ужин? — осторожно спросила Марта.

Грета посмотрела на неё почти с жалостью.

— Если вы не из тех, кто нос морщит, то есть суп. Если из тех — есть воздух.

— Суп подойдёт, — сказала Елена.

Грета фыркнула, будто записала это в её пользу, но виду не подавала.

Пока Марта с Тилем таскали сундуки, Елена медленно обошла зал. Половицы местами скрипели, местами прогибались. Один стол шатался. На стойке темнели старые пятна. У стены стояли бочки, две пустые, одна неполная. У печи сохли перчатки — мужские, грубые, явно не здешних постояльцев, а случайных путников. Возле лестницы обнаружилась полка с треснутыми кружками. На подоконнике — дохлый мотылёк и слой пыли, такой, что на нём можно было писать завещания.

Плохо.

Очень плохо.

Но не безнадежно.

На кухне оказалось ещё хуже.

Печная кладка в трещинах. Полки перекошены. Мешок

муки наполовину пуст. Соль отсырела. Сковороды в таком состоянии, словно в них жарили не мясо, а месть. Из двух разделочных досок одна рассохлась, вторая выглядела подозрительно липкой. У чана с водой стояло ведро, дно которого давно просило милосердия.

Грета вошла следом и, сложив руки на груди, ждала.

— Ну? — спросила она. — Лишились дара речи?

— Пока нет, — ответила Елена. — Но ваша кухня явно пыталась.

Женщина хмыкнула.

— Тут до вас трое хозяев сменились за четыре года. Один спился. Второй решил, что приграничный тракт — золотое дно, да только алтынов его никто не видел. Третий хотел открыть игорную комнату и кончил тем, что ему зубы выбили прямо у печи.

— Обнадёживающая история.

— Как есть.

Елена коснулась пальцем края стола. Жир. Пыль. Запущенность.

— Почему не закрылись?

Грета пожала плечами.

— Потому что место хорошее. Было. Тут тракт рядом, конюшня, двор, сарай, два въезда. Если с умом — жить можно. Но нужен человек с головой, деньгами и характером. А не те, кого сюда ссылали переждать позор или разбогатеть быстро.

Елена медленно повернулась к ней.

— То есть вы уже записали меня в ссыльную?

— А разве нет?

Прямой вопрос. Без лести. Без унижительной учтивости. И в этом северном бесстыдстве было что-то очищающее.

— Есть разница между ссылкой и выбором, — сказала

Елена.

— Для холода — никакой.

Елена усмехнулась.

Впервые за весь день — по-настоящему.

— Посмотрим, кто из нас упрямее.

— Север? — сухо спросила Грета.

— Я.

Грета уставилась на неё несколько секунд, а потом вдруг коротко кивнула — не как хозяйке, а как человеку, которого, возможно, ещё не стоит хоронить заранее.

К ночи в трактире потеплело ровно настолько, чтобы не казаться склепом. Бран ушёл, пообещав привезти утром список долгов, “раз уж миледи желает знать, сколько именно ей недолгоблывать это место”. Грета сварила густой суп с крупой и жёстким мясом. Тиль молча принёс дрова, починил сломанную щеколду у кладовой и исчез так бесшумно, будто был частью теней.

Староста появился, когда Елена уже поднялась наверх осмотреть комнаты.

Его шаги были слышны ещё с лестницы — неторопливые, уверенные, тяжёлые. Не хозяин, но человек, привык-

ший считать себя здесь главным по праву возраста и влияния.

Он вошёл в зал без стука, отряхнул снег с плеч и снял меховую шапку. Был он невысок, широк в кости, с рыжей, уже проседью тронутой бородой и глазами цвета промёрзшей воды. Лицо обветренное, нос чуть набок, подбородок упрямый.

Грета, увидев его, пробормотала:

— Ну вот. И этот почуял.

Староста перевёл взгляд на Елену.

Долго смотрел. Без церемоний. Так оценивают новую лошадь, за которую платить ещё жалко, но интересно, не сдохнет ли на подёме.

— Стало быть, вы и есть новая хозяйка? — спросил он.

— Стало быть, да.

— Долго не протянете.

Марта, стоявшая у лестницы с одеялом в руках, вспыхнула.

— Как вы смеете?..

— Смейте-смейте, — устало остановила её Елена.

А сама посмотрела на старосту.

— А вы всегда вместо приветствия раздаёте приговоры?

— Только когда они очевидны.

— Тогда вы, должно быть, очень заняты.

Борода старосты дёрнулась. Не улыбка. Почти.

— Характера вам не занимать, — признал он. — Да только характером крышу не починишь и налоги не закроешь.

— Вы пришли представиться или насладиться чужими трудностями?

— Представиться. Староста Хельмгарда, Освальд Крейн. И заодно предупредить: у “Северного венца” три месяца просрочки по сбору, долг мяснику, долг поставщику соли, долг конюху, который ушёл, прихватив половину инвентаря, и дурная слава, которой хватает на две таверны.

— Какая прелесть, — тихо сказала Елена.

— Для вас — особенно.

Освальд прошёлся взглядом по залу, по лестнице, по стенам, потом снова на неё.

— Здесь не столица, миледи. Тут не спасает имя. Не помогает красивая спина и ледяной взгляд. Тут выживут те, кто может платить, топить и держать дом так, чтобы в нём не резали друг друга после третьей кружки.

— Спасибо за обнадёживание.

— Я не обнадёживаю. Я проверяю, понимаете ли вы, куда попали.

Елена спустилась на пару ступенек ниже, чтобы оказаться с ним почти на одном уровне.

— Я понимаю одно, — сказала она. — Эту таверну мне отдали как обузу. Значит, кто-то очень хотел, чтобы она меня утопила. Мне это не нравится. А когда мне что-то не нравится, я становлюсь особенно работоспособной.

Глаза старосты сузились.

— Неделя, — сказал он.

— Что?

— Даю вам неделю. Потом либо вы сбежите, либо продадите это место тому, кто знает, что с ним делать.

— Как великодушно.

— Практично.

Елена наклонила голову.

— А если не сбегу?

— Тогда, может, и поговорим иначе.

С этими словами он надел шапку и вышел, впустив в трактир такой порыв ветра, что фонарь у двери качнулся.

Марта возмущённо заговорила первой:

— Невоспитанный мужлан! Будто мы ему тут что-то должны!

— Должны, — мрачно сказала Грета. — Налоги.

— Не только, — добавил Бран, который, оказывается, не ушёл до конца, а задержался у двери. — Если Освальд сам пришёл посмотреть, значит, слух уже пошёл. Завтра будет веселее.

— Что за слух? — спросила Елена.

Бран пожал плечами.

— Что генерал драконов сплавил бывшую жену в развлекательную у границы. Что долго вы не выдержите. Что дом скоро пойдёт с торгов или по дешёвке в чьи-то руки. Здесь новости ходят быстро, особенно если пахнут чужой бедой.

Прекрасно.

Впрочем, она и не ожидала, что Север встретит её тиши-

ной.

Поздно вечером, когда Марта наконец уснула, свернувшись клубком под двумя одеялами в маленькой смежной комнате, Елена осталась одна в хозяйской спальне.

Комната и правда была лучшей из имевшихся — если не считать трещины в стене у окна и такого сквозняка под подоконником, что можно было простудить мысли. Кровать скрипела, но держалась. Умывальник был пуст. На столе стояла лампа, коптящая больше, чем светящая. В углу темнел старый сундук. На подоконнике лежал слой льдистого инея.

Елена стояла у окна и смотрела во двор.

Внизу под фонарём мелькнул Тиль. Мальчишка таскал поленья в сарай, несмотря на поздний час. Маленькая, упрямая тень в слишком большом тулупе. Где-то фыркнула лошадь. Дальше по тракту скрипнули сани. Ветер гнул редкий кустарник у забора.

Странное чувство поднималось внутри — смесь изнеможения, страха и почти болезненного предвкушения.

Она и правда здесь.

Не во дворце. Не в роли униженной жены. Не под чужим взглядом.

В ледяной дыре на краю империи, с дырявой крышей, долгами и людьми, которые готовы скорее ставить на её провал, чем помогать.

И почему-то это казалось честнее всего, что было у неё до сих пор.

Елена сняла серьги, расстегнула платье и только собиралась лечь, когда внизу раздался стук.

Не в дверь комнаты — в дверь таверны.

Глухой. Поздний. Настойчивый.

Она замерла.

Через мгновение послышались шаги Греты, потом скрип половиц, затем мужской голос. Низкий. Незнакомый. Слишком громкий для ночи и слишком уверенный для случайного путника.

Елена накинула плащ поверх домашнего платья и вышла на лестницу.

Внизу у двери стояли двое мужчин. Один высокий, в сером меховом плаще, второй короче, плотнее, с лицом, на котором сразу читалось то самое выражение людей, привыкших покупать чужие трудности дёшево. Снег на их сапогах ещё не растаял. Грета стояла напротив, суровая, как сама печь. Бран, видимо, уже ушёл. Тиль незаметно замер в тени у стены.

Мужчина в сером первым заметил Елену.

И улыбнулся.

Нехорошо. Слишком быстро. Слишком по-деловому.

— О, — произнёс он, вскинув голову. — А вот и сама хозяйка. Доброй ночи, миледи.

— Смотря кому, — ответила Елена, спускаясь на несколько ступеней ниже.

Он слегка поклонился. Ровно настолько, чтобы не выгля-

деть откровенно наглым, и ровно настолько мало, чтобы показать: уважение здесь продаётся отдельно.

— Моё имя Рудгар Хольм. Я помогаю урегулировать... затруднения в этой части Хельмгарда.

— Какое трогательное призвание.

— Слышал, вы только прибыли. И решил оказать услугу раньше, чем местные неурядицы успеют вас утомить.

— Уже утомили. Но не настолько, чтобы я была рада ночным гостям.

Рудгар развёл руками.

— Перейду к делу. Место это давно тянет ко дну любого, кто в него вцепится. Долги, дурная слава, неудобное расположение, хлопотные люди. Для дамы вашего... склада — сомнительное наследство. Я готов избавить вас от лишней ноши и купить таверну. Скажем... за триста золотых.

Грета тихо выругалась сквозь зубы.

Даже Елена, ещё не вполне понимавшая местные цены, почувствовала, что сумма издевательская.

— Триста? — переспросила она. — Вы, должно быть, очень торопились, если пришли предлагать оскорбление без упаковки.

Мужчина усмехнулся.

— Это щедро, миледи. С учётом долгов.

— А с учётом того, что я ещё не попросила вас вон, — вдвойне.

Его спутник шагнул вперёд, но Рудгар едва заметно оста-

новил его ладонью.

— Не стоит горячиться. Я же с добром.

— Добро редко приходит ночью и со свидетелем за спиной.

— В наших краях — приходит. Север любит тех, кто решает быстро.

Елена спустилась ещё на ступень.

— Тогда Северу придётся пережить разочарование. Я не продаю.

Рудгар вздохнул, будто имел дело с капризным ребёнком.

— Миледи, вы не понимаете, что держите в руках.

— Собственность. Моё любимое открытие последних дней.

— Вы держите в руках проблему. Здесь до весны доживут не все дела. А эта таверна... — он обвёл зал взглядом, не скрывая брезгливого снисхождения, — эта таверна уже умерла. Я предлагаю вам красивый выход.

Слова ударили неожиданно точно.

Умерла.

Так, вероятно, во дворце говорили и о ней самой.

Елена почувствовала, как в груди становится спокойно. Очень спокойно. Так спокойно бывает перед тем, как бьют.

— Послушайте внимательно, господин Хольм, — сказала она мягко. — Я только что пережила развод с человеком, который умеет унижать красиво и дорого. После этого ваш торг выглядит до смешного дёшево.

Улыбка с его лица не исчезла, но стала тоньше.

— Значит, вы отказываетесь?

— Безоговорочно.

— Жаль. Я бы на вашем месте подумал до утра.

— А я на вашем месте уже бы уходила.

Он поднял глаза к потолку, словно прося у зимних богов терпения, потом опять посмотрел на неё.

— Что ж. Я зайду завтра. Или через день. Когда вы поймёте, что в Хельмгарде не всё решается красивыми словами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.